

ТЕКСТ: Михал Муравский

ЗАРЯДЬЕЛОГИЯ

Польский антрополог и исследователь постсоциалистической архитектуры Михал Муравский в 2017-м году вместе с группой студентов и сотрудников Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского провел несколько семинаров, посвященных парку Зарядье – ключевому, по его мнению, урбанистическому проекту современной Москвы. В июле в МУАРе (флигель «Руина») также запланирована выставка «Портал не только в ад, но и в рай» (сокуратор Дарья Кравчук), где будут показаны и работы художников, и исследования архитекторов. Она станет логическим завершением изысканий в области зарядьелогии – микродисциплины, придуманной Муравским.

Как отмечает географ Наталья Зубаревич, в 2016 и 2017 годах Москва потратила неслыханные суммы на благоустройство – более 15% муниципального бюджета. Это в три раза больше, чем потрачено во времена Лужкова; и в 16–17 раз больше в реальном выражении, чем тратит сегодня любой другой город или регион России. С точки зрения размаха, усилий и затрат Москва находится, возможно, в самом разгаре важнейшей трансформации центра со времен Сталина; и самой бескомпромиссной реконструкции его внутренней и внешней периферии после массового жилищного строительства Хрущева. Илья Ценципер, Григорий Ревзин, Сергей Капков, Варвара Мельникова, Сергей Гордеев и Сергей Кузнецов открыто рассказывают о трансформации Москвы как о проекте «социальной инженерии», используя язык, напоминая советскую риторику 1920–1930-х годов. Реконструкция столицы – это создание нового, более «цивилизованного» типа москвичей. Кроме того, проект трансформации с большим рвением, чем когда-либо, экспортируется за пределы Москвы на всю Россию и постсоветское пространство в целом. В консалтинговом бюро КБ «Стрелка», где сейчас работают более 300 человек, московская модель проецируется на 400 муниципалитетов – от Грозного до Свободного, а «мутации» и «клоны» Парка Горького и Зарядья возникают от Краснодара до Баку. В 1990-х и 2000-х годах Манежная площадь и Охотный Ряд со стеклянными куполами и бронзовым скульптурным безумством Посохина-Церетели были основными архитектурными проектами, транслируемыми за пределами Москвы и «самовоспроизводящимися» в Раменском, Киеве, Минске и Улан-Баторе. Сегодня, как отмечают в разных контекстах эксперты Никита Асадов, Сергей Медведев и Куба Снопек, парк Зарядье стал новой Манежкой.

ОСЬ МИРА

В ходе пятых зарядьелогических дебатов культуролог Антон Кальгаев утверждал, что время в России после 1991 года можно разделить на несколько фаз, каждая из которых определяется специфическим речевым оборотом. 1990-е были периодом «как бы», означавшим «тотальную неуверенность масс по поводу того, что происходит в стране». 2000-е годы были временем «на самом деле», в чем выражалось, возможно, движение к новой стабильности. Нынешняя фаза, однако, самая странная. Мы живем во времена «не только,

Мы живем во времена «не только, но и», когда любое перечисление превращается в дополнение... «не только хорошо, но и плохо», и наоборот

но и», «когда любое перечисление превращается в дополнение... не только хорошо, но и плохо», и наоборот. Зарядье, говорит Кальгаев, является самым ярким выражением противоречивости и сложности нашего времени. Уже в первом ТЗ для архитектурного конкурса, составленном «Стрелкой» в 2013 году, парк позиционировался как «не только место притяжения, но и зона отчуждения», «новый взгляд на старую Москву», даже «зеленая альтернатива Красной площади». Эта любопытная противоречивость искусно выражена в концепции «дикого урбанизма», лежащей в основе проекта-победителя, выполненного модным нью-йоркским бюро Diller Scofidio + Renfro. «Дикий урбанистический парк» является «посредником между местным и далеким, созданным руками человека и природным». Это одновременно знакомый и неизвестный парк, собравший в себе разнообразные типы окружающей среды.

Соединение природы и города – не радикальное и не слишком инновационное предложение. То, чем поражает парк Зарядье и «дикий урбанизм» – неустанная манера превращать разнообразие и самопровозглашенную контринтуитивность в идеологию высшего порядка. Это, конечно, можно интерпретировать как позитивное, плюралистическое явление; или, возможно, просто как постмодернистский закон, выведенный Робертом Вентури и требующий «сложности и противоречий» в архитектуре. Но, как считает Кальгаев, есть и нечто зловещее в таком типе надоедливой и сложной идеализации, симптома конкретного времени и отношения к реальности – мы оказываемся «в мире постправды». Правительство Москвы взяло на вооружение, говорит Кальгаев, эту удобную формулу: не только в случае с Зарядьем, но и с так называемой программой «обновления жилья» – «это как бы не только снос, но и стройка», однако «это не только стройка, но и снос». Другими словами, под формулой «не только, но и» скрывается факт, что все под контролем. Это создание ложной иллюзии множественности, тогда как на самом деле речь идет об одногослье и единовластии. Кальгаев

01 Барельеф «Союз Рабочего и Колхозницы» в ресторане «Восход», парк Зарядье. Дизайн Sundukovy Sisters. Скульпторы Mupameisspace. Фото: Никита Крючков © Sundukovy Sisters

02

03

Здесь создана
искусственная
среда, которая
освобождает

продолжает: «это смешно и забавно, но открыло какой-то портал в ад». В тот момент его прервал архитектор Тимур Башкаев, дизайнер интерьеров Медицентра и Заповедного посольства в парке Зарядье: «Не только в ад, но и в рай».

ГИБРИД

Парк Зарядье, который часто представляют в СМИ и официальных заявлениях как «дар» Путина и/или Собянина Москве, разработан манхэттенскими архитекторами, хорошо обученными критической теории и позиционирующими себя «инакомыслящими» и «диссидентами». Их эстетика — глобальная, ультрасовременная, космополитичная, экофутуристичная, что идет вразрез с вертикальным блеском эпохи Лужкова. Как и советские народы на ВДНХ, в Зарядье показаны российские «ландшафтные типы» — тундра, тайга, степь и прибрежные леса. Кухни всей России и постсоветского пространства собраны здесь

Это парк, но и не настоящий парк: сложная строительная структура с растениями на крыше огромной автостоянки

же, в Гастрономическом центре. Весь ассортимент заметно подорожавшей постсоветской кулинарии (и внеземной эстетики) подается в монументальном, неофутуристском ресторане «Восход», оформленном в космической тематике — по существу ожившем художественном произведении (то ли Арсения Жилиева, то ли Алексея Беляева-Гинтовта). Левитирующие горшки с растениями, цветочные вазы в виде космонавтов, из которых торчат красные гвоздики, барельефы демиургических рабочих и колхозниц (Вера Мухина встречает Микеланджело), люстры в виде солнечной системы. Потолок напоминает бывший ресторан «Космос» в отеле «Россия», куда добавили органоподобную трубчатую структуру из аэропорта Шереметьево.

Также посетителям парка предлагается полетать над Москвой в экстравагантном «четырёхмерном» симуляторе — по существу, обновленной версии полета над столицей из фильма «Светлый путь» (1940) Григория Александрова («Алиса в Стране чудес Культуры Два», по словам Владимира Папер-

ного). Другой 4D-аттракцион «Машина времени» — цифровая панорама истории Зарядья, Красной площади и Кремля (своего рода Бородинская панорама периода последних сроков правления Путина). После завершения всех этих (и многих других) платных аттракционов («Полет над Москвой» стоит 790 рублей за 20 минут), посетители могут полюбоваться прекрасным видом на старую Москву, Кремль и Собор Василия Блаженного, а также на сталинскую высотку на Котельнической набережной с двух главных смотровых площадок: холма тундры на вершине Медицентра и Парящего моста, выступающего над Москвой-рекой. Вскоре можно будет посетить концерты Валерия Гергиева (из цикла «Слава Пальмире») в новой филармонии в Зарядье. Сейчас посетители могут подняться на травяной холм над филармонией — он увенчан гигантской стеклянной «шляпой» и оснащен сложной технологией «климатического изменения», задача которой обеспечивать тепло зимой и прохладу летом. Из-под «шляпы» все еще можно увидеть остатки строительного городка, трущобное пространство, где строители парка разместили свои склады и офисы и где рабочие живут по три или четыре человека в контейнерной бытовке. Большинство их — гастарбайтеры из отдаленных уголков России и бывшего Советского Союза, работающие по нестандартным контрактам: они — низший класс строителей новой Москвы. На временном мангале они готовят шашлыки, похожие на те, что подаются в ресторанах Зарядья, в которых собраны народные кухни строителей.

НЕ СОВСЕМ ЕСТЕСТВЕННАЯ ИМПЕРИЯ ЦВЕТУЩЕЙ СЛОЖНОСТИ

Историк культуры Мария Энгстрём ссылается на слова неоконсервативного философа Александра Секацкого, согласно которому России нужна новая «национальная идея» — «более соблазнительная, яркая и эстетически притягательная, чем скромное обаяние шопинга». Короче говоря, предложение Секацкого превратить Россию в «органическую империю», основанную, подчеркивает Энгстрём, на современном прочтении понятия Леонтьева о «цветущей сложности».

Манежка была местом предыдущей «гнилой», постмодернистской эпохи, когда царила «презлесть шопинга». Энгстрём утверждает, что естественная империя, исповедуемая консервативным авангардом, а решительно не постмодерном, но являющаяся слиянием определенного типа

постсоветского метамодернизма, ностальгирует по атрибутам высокого модернизма: главенство центрального образа, монументальность, героизм.

Разве не Зарядье – и вся эпоха «не только, но и» – именно то, чего хотят консервативные авангардисты: естественная империя цветущей сложности? Зеленое и цветущее место для гармоничного (но жестко иерархического) сосуществования людей (и растений) в общем дикорастущем оркестре? Именно такое недообвинение сделал Сергей Медведев в пятом семинаре по зарядьелогии: парк является дугинским инструментом, который «конструирует постимперскую евразийскую идентичность». Однако сами консерваторы не согласны. На шестом семинаре основатель «Архнадзора» Рустам Рахматуллин назвал Зарядье примером архитектурного «ячества», «догоняющего западничества, превращающего город в природу, дезурбанизирующего исторические структуры, вмешивающегося в диалоги». Эту позицию поддержал другой докладчик, театральным режиссер Эдуард Бояков, который в настоящее время разрабатывает вместе с архитектором Никитой Асадовым концепцию парка Коктебель, своего рода крымского анти-Зарядья. По словам Боякова, Зарядье – «это действительно западный подход, в плохом смысле этого слова... нарушающий правила города, правила среды».

ДАР, ИЛИ АВТОРИТАРНАЯ МАШИНА СВОБОДЫ

На пятом зарядьелогическом семинаре географу Ольге Вендиной задали вопрос: «А может ли вообще демократическая программа развития города быть реализована авторитарными средствами?» Она ответила утвердительно: «Здесь создана искусственная среда, которая освобождает. А когда такое пространство свободы возникает рядом с сакральными пространствами власти и закрытости, это означает только одно – десакрализацию власти». Этот механизм функционирует, говорит Вендина, «в духе социальной инженерии, когда с помощью организации пространства... можно формировать поведение людей, формировать их представления».

По мнению Вендиной, Зарядье буквально является архитектурным инструментом для проектирования свободы людей. Это выражает более или менее полный подход КБ «Стрелка» к общественному пространству, сформулированный их главным идеологом Григорием Ревзиным, который во время того же семинара назвал «Стрелку»

«генштабом колониальных войск, в настоящий момент завоевывающих Россию». Это кажущееся напряжение между вертикальными и горизонтальными политическими и архитектурными формами подчеркивается еще больше в риторической фразе, одновременно ироничной и искренней. «Конечно, [«Моя улица»] сделана абсолютно авторитарным способом и с неверием в какую-то низовую активность граждан», – признает Ревзин. Но он верит, что «этот западный демократический образ» будет постепенно обживать.

Парк Зарядье обозначается в официальных заявлениях и СМИ как дар: щедрость государя по отношению к благодарным подданным (или, в случае печально известного воровства растений в первые дни открытия Зарядья, так называемым «неблагодарным посетителям»). Социальные антропологи, начиная с Марселя Мосса, описывают дар как нечто, что сразу же приводит получателя в крайне неравные властные отношения с дарящим; но, с другой стороны, он имеет потенциал для создания далеко идущего единства, лишённого социальных классов, основанных на товарообмене. Сама идея общественного пространства – особенно в контексте такого города, как Москва, – наполнена логикой именно этого определения дара.

Было легко забыть о публичности как идеологической составляющей Зарядья в первые месяцы работы парка, когда он был окружен высоким забором и туда можно было попасть только после прохождения через рамки металлодетектора, после обыска вооруженными головорезами из «Росгвардии». Потом вдруг забор исчез. Но Зарядье – любопытный вид публичного пространства: структура его собственности и аренды крайне размыта.

Парк Зарядье многогранен. Это парк, но и не настоящий парк: сложная строительная структура с растениями на крыше огромной автостоянки (не говоря уже о мифическом комплексе таинственных ядерных бункеров). Это дар, но и товар. Это общественное пространство, но также и личное. Это «дикая» зона-экспромт, но также контролируемая, охраняемая и срежиссированная местность только для хорошего поведения граждан. Это парк для Москвы, но и парк России (и за пределами всего бывшего Советского Союза, Евразии, Америки и космоса). Это место ностальгии по прошлому, ускорения настоящего и непредсказуемости будущего. [ДИ]

02-03 Фото: Михаил Муравский

05

04 Фото: Иван Баан
05 Барельеф «Союз Рабочего и Колхозницы» в ресторане «Восход», парк Зарядье. Дизайн Sundukovy Sisters. Скульпторы Munameisspace. Фото: Никита Крючков
© Sundukovy Sisters